

Венецианский контракт

Автор:

Марина Фиорато

Венецианский контракт

Марина Фиорато

Сюжет этой книги основан на реальных событиях, произошедших в Венеции в 1576 году, спустя пять лет после сокрушительного поражения Османской империи в морском сражении при Лепанто. Под покровом ночи корабль со смертоносным грузом на борту незаметно подкрадывается к Венеции. С корабля сходит человек, в котором еле теплится жизнь, и направляется к площади Сан-Марко. Он несет жителям Венеции «дар» Константинополя. Через несколько дней уже весь город охвачен чумой – и турецкий султан наслаждается своей мстостью. На том же судне плыла беглянка – красавица Фейра, врач гарема, сбежавшая от султана, который пожелал сделать ее наложницей. Только благодаря своей находчивости и медицинским познаниям ей удается выжить в Венеции, в которой бушует чума. В отчаянии дож Венеции поручает своему лучшему архитектору Андреа Палладио построить величайшую церковь, равной которой мир еще не видывал, – приношение Господу Богу, настолько прекрасное, чтобы оно помогло спасти город. Жизнь Палладио тоже в опасности, и потребуются все умение Аннибала Касона, лучшего чумного врача города, чтобы уберечь его от заразы. Но Аннибал не предвидел одного – встречи с Фейрой, оказавшейся под защитой Палладио, встречи с женщиной – не только равной ему по интеллекту, но и способной научить его любить.

Марина Фиорато

Венецианский контракт

И когда Агнец снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: “Иди и смотри”. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертой частью Земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

Откровение 6: 7-8

Marina Fiorato

The Venetian Contract

JOHN MURRAY

© Marina Fiorato, text and illustrations, 2012.

Благодарности

Идея этой книги возникла во время завтрака; не у Тиффани, а у Клэриджа.

Я встретила там с кинопродюсером Айлин Майсел, которая спросила меня, не думаю ли я написать книгу о Палладио. Мне хотелось бы поблагодарить Айлин в первую очередь – за то, что она задала мне этот вопрос. Это было в 2008 году, когда отмечали 500 лет со дня смерти архитектора, и в тот самый день проходила выставка его работ в Королевской академии. Позавтракав, я направилась в Академию, где провела все утро, рассматривая каждый план, рисунок и макет. Я настолько увлеклась, что купила самую большую книгу о его творчестве, какую смогла найти в магазине музея, и отправилась домой – изучать ее. Эта подробнейшая книга («Палладио», 2008) под редакцией Гвидо Белтрамини и Говарда Бернса, изданная совместно с Королевской академией искусств, стала для меня бесценным источником информации во время работы над этим повествованием. Палладио жил в интереснейшее время: в Венеции – как и в Лондоне – чума и пожар обрушились на город почти одновременно, и

возможность написать об этом периоде, положив в основу сюжета строительство церкви Реденторе, нельзя было упускать.

Среди многих блестящих книг на эту тему, которые я прочла, следует отметить две: первая – Мири Шефер-Моссенсон «Османская медицина» (Miri Shefer-Mossensohn “Ottoman Medicine: Healing and Medical Institutions 1500–1700” (2009), которая дает прекрасный обзор развития турецкой медицинской практики. И вторая – Филип Зиглер «Черная смерть» (Philip Ziegler “The Black Death” (2010), которая познакомила меня со старинными методами лечения чумы в период первых вспышек заболевания.

Некоторые места, описываемые в этой книге, например великолепную церковь Реденторе на острове Джудекка, можно и сейчас легко увидеть своими глазами. Но самая интересная поездка, в которую я отправилась ради своего исследования, была на Лаззаретто Ново – таинственный чумной остров, расположенный в дальней части венецианской лагуны. Туда редко ездят, и доступ ограничен, так что я хотела бы поблагодарить Джорджию Фаццини за разрешение посетить столь удивительное место и за возможность побродить по маленькому, но очень ценному музею. Мне хотелось бы также поблагодарить некоммерческую организацию Ekos Club, которая охраняет археологические находки острова и заботится о его экологии.

Я весьма признательна своим блестящим помощникам: Ричарду Брауну, который занимался западными аспектами романа, и Ясемин Угюр, которая отвечала за восточную тему, проверяя турецкие термины и их правописание. Благодарю также свою сестру, археолога Веронику Фиорато, которая рассказала мне то, что знала, о могилах и останках жертв чумы.

Благодарю своего отца, Аделина Фиорато, который, помимо того что оказался кладезем знаний эпохи Возрождения, придал образу Палладио некоторые особенности своего характера.

Я благодарна художнику по костюмам Хейли Небоер, которая неумоимо изучала свои собственные архивы и рисунки эпохи Возрождения, чтобы проверить детали описания венецианских костюмов в моей книге.

Спасибо Каролине Вестмор и блестящей команде John Murray за их фанатичную работу над изданием этой книги.

И, конечно же, огромное спасибо моему редактору Кейт Паркин и моему агенту Терезе Хрис, которые не только блестяще выполнили свою задачу, но и помогли мне на этапе планирования сюжета – во время очень длинного ланча в Королевском институте британских архитекторов!

И в завершение позвольте поблагодарить главных героев моей собственной истории: Сашу, Конрада и Руби.

Часть 1

Конь вороной

Пролог

Венеция

1576 год от Рождества Христова

Себастьяно Веньер, дож Венеции, смотрел из дворцового окна, и во взгляде его чувствовалось не меньшее волнение, чем на море.

За годы плаваний он научился безошибочно предсказывать погоду, и вот уже три дня он наблюдал, как надвигается шторм, заволакивая тучами небо над

горизонтом и подкрадываясь к городу по бледно-лиловым волнам. Начинался ураган, и это было пострашнее плохой погоды.

Пышная белая борода и благородный облик дожа побудили Тинторетто запечатлеть его в своей картине. Его сравнивали с Нептуном, повелителем морского царства. Шептались даже, что он похож на самого Господа Бога. Но дож, будучи глубоко верующим человеком, отверг бы с возмущением эти сравнения, хотя и по разным причинам; однако, сегодня он готов был пожертвовать всем, лишь бы что-то помогло ему спасти Венецию в тяжелый час.

Он видел, как вдоль пристани, на которую уже обрушивались волны прилива, торопливо шли шесть человек, прижимаясь друг к другу, чтобы укрыться от ветра и брызг, задевавших края их черных накидок. Длинные рясы с капюшонами делали их похожими на монахов, но эти шестеро были служителями науки, а не церкви. Они ведали жизнью и смертью. Они были врачами.

Когда они приблизились, дож смог разглядеть их маски: изогнутые клювы из слоновой кости, торчавшие, словно когти хищников, из-под черных накидок. Маски вселяли ужас, но повод, заставивший их надеть, был ещё более зловещим.

Они были его *Medico delle Peste*. Чумными лекарями.

Шестеро ученых, из хороших семей, все получили образование в лучших медицинских академиях, по одному на каждый из шести сестieri[1 - Сестieri - городской округ. - Прим. ред.] Венеции. Увидеть всех их вместе - дурное предзнаменование. Дож Себастьяно Веньер сомневался, что они вообще когда-нибудь собиравались вместе; ему показалось, что они налетели, как стая ворон, на чью-то могилу. Может, его собственную. На мгновенье плечи у него опустились, и он почувствовал себя стариком.

Он смотрел, как врачи пересекли несравненную Рива-дельи-Скьявони, одну из чудеснейших улиц в мире, и ждал, что с минуты на минуту они войдут в его великолепный белый дворец. Холодок пробежал у него по спине, словно от брызг холодной морской воды. Он припал головой к прохладному стеклу и на одно блаженное мгновенье прикрыл глаза, поэтому и не увидел, как венецианские галеасы заскользили вдаль по темным, разбухающим волнам; он

прикрыл глаза – всего на долю секунды, чтобы насладиться покоем и вдохнуть соленый воздух.

Запах Венеции.

Себастьяно Веньер выпрямился, вспомнив, кто он такой и где находится. Он взглянул на искусную каменную кладку окон и лучшее венецианское стекло, заглушавшее грохот морских волн. Запрокинув свою благородную голову, он увидел на потолке непревзойденные красные и золотые фрески, созданные сотни лет назад лучшими венецианскими художниками и покрывавшие бесконечное, величественное пространство наверху. Однако ни это богатство, ни вся эта слава не смогли оградить его дом от чумы.

Дождь уселся на свое великолепное кресло и стал ждать, когда доложат о приходе врачей. Они вошли вереницей, один за другим, промокшие насквозь, и обступили его, как стервятники, жадно блестя красными хрусталиками глаз на своих масках, словно готовились растерзать его плоть. Но как только они заговорили, дождь успокоился.

– Мы ждали этого, господин, – начал один из них. – В ботаническом саду иезуитов появилось необычайно много бабочек – сотни тысяч.

– Бабочек? – спросил дождь, приподняв белую, как снег, бровь.

Врач, не уловив холодности в его тоне, продолжал:

– Конечно, господин дождь, бабочки известны как предвестники чумы.

– Так оно и есть, – вмешался второй. – Были и другие знамения. Хлеб из пекарни Арсенала, если его разломить пополам, начинает кровоточить.

Дождь сжал подлокотники кресла. То, что чума проникла в Венецию, ему уже было очевидно. Вопрос в том, как с ней бороться.

* * *

Бесполезно. Один из лекарей предлагал лечить заболевших, привязывая им к шее мертвую жабу. Другой советовал засовывать хвост живых голубей в воспаленные бубоны в паху и подмышках, чтобы хвостовые перья вытягивали заразу. Они заспорили, сшибаясь клювами масок, которые казались теперь до смешного нелепыми; их елейные голоса стали визгливыми, и они загалдели, словно стая уток.

Дождь в раздражении перестал обращать на них внимание. Эти лекари – шарлатаны, шуты, один самодовольнее другого. Он перевел взгляд на настенный ковер, в тени которого стоял человек, такой же старик, как и он сам; он прислушивался к разговору в ожидании, когда дождь позовет его и сообщит, зачем за ним посылали.

* * *

Этот старик, к слову сказать, архитектор, на самом деле тоже не слушал спорящих. Больше интересуясь зданиями, чем людьми, он любовался тем, как подчеркивают изгибы потолка каменные ребра, пересекаясь над его головой, и как пропорции пилястров дополняют великолепные фрески.

Как и дождь, он ужаснулся, увидев входящих в покои лекарей. Все, от дождя до самого жалкого нищего, знали, что означают эти маски. Чума проникла в город. Но архитектора это не слишком заботило. Два года назад уже была небольшая вспышка чумы, и теперь он собирался сделать то же, что и тогда. Он покинет город и отправится в Венето; возможно, в свой старый дом в Виченце. Там, в горах, пережидая, пока чума утолит свою жажду, он будет строить планы и рисовать, потягивая вино. Быстрая лодка до Местре, резвый конь до Треviso – и он будет в Мазере к закату, в доме своих добрых друзей – братьев Барбаро. Там, он знал, найдется место и для него; в конце концов, это он его построил. Как только он узнает, чего желает дождь, он уедет.

* * *

Дождь устал слушать. Эти лекари не могли помочь Венеции. Они станут раздавать свои микстуры и лекарства, наживаясь на болезни; и кто-то выживет, а кто-то умрет. Сжимая подлокотники кресла так, что суставы на пальцах побелели, он в отчаянии опустил голову. Его собственные руки удручали его – шишковатые,

жилистые, с темными пятнами. Как мог старик сдерживать чуму?

Он откашлялся. Нужно действовать. Он не допустит, чтобы этот город – жемчужина мира – рухнул под натиском чумы. Нет, не такое наследство он оставит после себя. Старое сердце дожа забилося сильнее. Он встал, кровь прилила к его лицу. «Вы свободны, – обратился он к врачам чуть громче, чем следовало. – Вон». Он взмахнул рукой, словно отгоняя стаю ворон. «Андреа Палладио, – произнес дож, когда врачи закрыли за собой дверь, и его голос прогремел в величественных покоях дворца. – Подойдите».

Палладио вышел из тени и приблизился к креслу дожа. Ветер распахнул створки окна, врываясь внутрь и неся с собой гибель. Палладио встревожился, желая поскорее уйти, но дож, уняв свой гнев, снова сел и задумался.

– Вы слышали о чуде Святого Себастьяна на Джудекке? – спросил он.

Палладио слегка нахмурился. Хотя он никогда не встречался с дожем прежде, но знал, что тот сорок лет командовал флотом, был глубоко верующим, уважаемым и достаточно мудрым человеком, чтобы избежать ужасающих тюрем республики, куда вполне могли его посадить сменявшие друг друга члены Совета Десяти. Неужели Себастьяно Веньер занял столь высокий пост слишком поздно? Возможно ли, что его разум помутнел? Из окна Палладио видел остров Джудекку, на который обрушился дождь, но даже сейчас он все ещё был одним из прекраснейших сестииери Венеции, огибая древний город с окраины, словно гребень.

– Да, конечно, – неспешно ответил он, гадая, куда ведет этот вопрос.

Дождь вновь заговорил, словно рассказывал сказку или притчу.

– Когда свирепствовала последняя Великая Чума, в 1464 году, к воротам монастыря Санта-Кроче на Джудекке подошел молодой воин и попросил воды. Все сестры были внутри, а госпожа настоятельница находилась при смерти. Сестра Схластика подошла к воротам. Взглянув на молодого человека, она увидела его сверкавшие серебром доспехи, огненно-рыжие волосы и лазурно-голубые глаза. В благоговейном страхе она подала ему стакан воды. Юноша, выпив всю воду, поблагодарил Схластику и велел ей и всем сестрам молиться Святому Себастьяну день и ночь и пить воду из колодца. Если они сделают так,

как он сказал, чума пощадит монастырь. Затем он вонзил свой меч в землю, и видение исчезло – рассеялось, как туман.

Когда дож умолк, Палладио, который прикидывал, сколько времени уйдет на дорогу до Местре, почувствовал в наступившей внезапно тишине, что должен поддержать разговор.

– Что же произошло? – спросил он.

– Госпожа настоятельница исцелилась в ту же ночь, как и все болевшие монахини. Чума не коснулась ни одной из сестер, и все, кто пил из колодца, спаслись, – ответил дож, поднимаясь. Он подошел к Палладио и, посмотрев ему в лицо с высоты своего роста, продолжал. – Многие годы этот монастырь был местом паломничества; люди брали там воду из колодца, чтобы бороться с чумой, а потом и с другими недугами. Когда я родился, совсем недалеко от Санта-Кроче, во Дворце Веньер, меня назвали Себастьяно в память об этом чуде. Но теперь монастырь лежит в руинах. – Он умолк.

В тишине было слышно, как загудел ветер. Теперь Палладио понял, что от него требуется, и сердце его охватила тревога. Многие годы он хотел строить на Джудекке – острове с хорошей почвой из твердых пород и с лучшими видами на лагуну. Многие годы он обращался в Совет Десяти с просьбой выделить ему там место для застройки, но тщетно. А теперь, когда его единственным желанием было покинуть город, ему предложили то, чего он так жаждал прежде. Тонкие губы Палладио скривились в усмешке. Временами ему казалось, что Всевышний слишком насмешлив.

– И вы хотите, чтобы я восстановил монастырь Санта-Кроче? – спросил он.

– Нет, не совсем, – дож вновь подошел к окну. – Взгляните на них, Андреа.

Протянув к нему руку с искривленными артритом пальцами, он пригласил Палладио посмотреть вниз, на дивное пространство площади Сан-Марко. Две проститутки прогуливались под окном в своих обычных красно-желтых платьях с обнаженной, колышущейся при ходьбе грудью, несмотря на то, что дождь хлестал почем зря.

Палладио, слишком старый, чтобы возбудиться от подобного зрелища, заметил того, кто, напротив, заинтересовался им: мужчина наблюдал за проститутками, притаившись под арками Старой Прокурации, и рука его стыдливо трудилась в промежности. Он поманил женщин к себе под арку и, сунув монету одной из них, тут же прижал её к благородным колоннам, поддерживавшим галерею, и задрал ей юбки. Другая женщина встала сзади и засунула руку ему в штаны, чтобы усилить наслаждение клиента.

– Посреди улицы, Андреа, – произнес дож, отворачиваясь. – Прямо посреди улицы. Великолепный столп, созданный вашим коллегой Сансовино, который делает эту площадь прекраснейшей в мире, превратился в место разврата. – Он вздохнул в унисон с ветром. – Блуд, упадок; и становится все хуже и хуже. Раньше подобное могло случиться только во время Карнавала – всего две короткие недели в году. Теперь таким зрелищем никого не удивишь. Этим мы славимся за границей. Над нами смеются. Никто не вспоминает о колоннах Сансовино или даже о ваших виллах и соборах. Все говорят о шлюхах, которые занимаются своим ремеслом на улицах, – дож положил руку на оконную задвижку, словно желая убедиться, что она надежно защищает от тлетворного духа. – А когда все узнают, что в город пришла чума, станет ещё хуже. Призрак смерти творит странные вещи с человеком – делает его необузданным, похотливым, заставляет красть, лгать, душу продать за звонкую монету.

Палладио старался соединить разрозненные мысли дожа в рассказ о чудесах и блудницах.

– Только один человек в силах спасти этих распутников от чумы и от самих себя, и это не я, – произнес дож.

Палладио подумал о шести лекарях из сестиери, но ни один из них не был достоин милости спасителя. Поняв вдруг, что дож говорит о Христе, он изобразил на лице благочестивую набожность. Дождь взглянул на него водянисто-голубыми глазами. Тусклые и слезящиеся, они казались старыми и подавленными.

– Это вы, – уточнил он.

Благоговейное выражение на лице Палладио сменилось крайним удивлением.

– Разве вы не видите? – продолжал дож, – Господь карает Венецию. Нужна жертва, дар столь значительный, чтобы смягчить Божественный гнев и удержать Его десницу от истребления города. Если медицина не помогает, пора обратиться к молитве. Вы, Андреа, вы возведете храм на руинах монастыря Санта-Кроче. Вы пойдете по стопам Святого Себастьяна и построите церковь столь великолепную, столь угодную славе Божьей, что она будет соперничать с Его творением. А когда закончите, придут сотни и тысячи людей, которые обратятся к Богу, воздавая Ему хвалу устами своими и благодаря Его коленапреклоненно. Сила молитвы искупит наши грехи.

– Но... Я думал... Безусловно, это огромная честь, но, возможно, я мог бы руководить строительством из Виченцы или Тревизо..., – воспротивился Палладио.

Его слова замерли под взглядом дожа, и ветер засвистел в насмешку. Дождь помедлил минуту, а затем произнес:

– Андреа. Мы с вами уже немолоды. Нам отпущено немного. Вы останетесь в Венеции, как и я. Это величайшая услуга, которую вы можете оказать своему городу. Разве вы не понимаете? – Он обхватил руками плечи Палладио и сжал их на удивление сильно. – Вы заключите договор с Самим Господом Богом.

Палладио вспомнил, как ещё молодым каменщиком он всегда находил окаменелости в породах, с которыми работал. И дня не проходило, чтобы он не нашел хотя бы одного моллюска наутилуса, окаменевшего в виде идеального завитка Витрувия, погребенного на тысячи лет в мраморе Каррера. И вот сейчас он попал в такую же ловушку: это новое задание связало его по рукам и ногам; он был буквально заперт в каменной тюрьме.

Он распознал во взгляде дожа ревностное упорство и понял, что Себастьяно Веньер не потерпит возражений. И как он мог подумать, что у дожа глаза старика? Они горели теперь голубым огнем фанатизма, огнем Святого Себастьяна. Даже если бы ему хватило смелости отказать, угроза тюремного заключения отбивала у него всякую охоту возражать. Палладио склонил голову в молчаливом согласии.

Дождь, который и не ожидал отказа, позвал своего камергера: «Камерленго, проводите сеньора Палладио домой и обеспечьте всем, что ему нужно. И ещё, –

остановил он камергера, который направился было за Палладио к дверям, – найди мне настоящего врача».

Глава 1

Константинополь

983 год по мусульманскому летоисчислению

Месяцем ранее

В то утро Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад решила заняться своей внешностью особо. Ее отец уже ушел из дома, и она не могла – как часто делала – надеть его платье. В Константинополе в бедных семьях обычно женщины и мужчины носили одно и то же одеяние; мужская и женская одежда почти не отличалась друг от друга, а денег хватало только на единственное хорошее платье и на единственную хорошую пару обуви.

Фейра с отцом не бедствовали, так как Тимурхан бин Юнус Мурад был морским капитаном высокого ранга и положения, но девушка все ещё придерживалась традиции: это помогало ей прятаться.

В тот день у её отца, видимо, была важная встреча, да к тому же ранняя, потому что солнце не успело ещё подняться над городом, когда Фейра распахнула резные решетчатые ставни окон. Купола и минареты, которые она так любила, выглядели ещё темными силуэтами – на фоне розовеющего неба. Фейра вдохнула солёный воздух.

Запах Константинополя.

Она взглянула на море – бледную серебристую линию в предрассветных лучах – и задумалась, что там, за ним. На мгновение ей отчаянно захотелось отправиться в другие страны, в те места, которые существовали для неё только в рассказах отца. Но эти грезы отняли у неё время. Отвернувшись от окна, Фейра взглянула на серебряный прямоугольник на стене, окаймленный эмалью и отполированный так, что в нем можно было увидеть свое отражение, искаженное лишь естественными неровностями металла. Отец привез его Фейре в подарок из далекой восточной страны, из-за далекого восточного моря, когда она была ещё маленькой, и с тех пор оно висело здесь, в её комнате. Ещё ребенком она с любопытством заглядывала в это зеркало; оно показывало, какого цвета у неё глаза, каким становится лицо, когда корчишь смешные рожицы, можно ли языком дотянуться до носа. Теперь, когда Фейра выросла, зеркало стало её лучшим другом.

Она внимательно посмотрела на свое отражение, стараясь обнаружить то, что видели в ней мужчины. Заметив, что мужчины разглядывают её на улице, она начала покрывать голову. А когда они стали любоваться её губами, ей пришлось закрыть половину лица белой муслиновой вуалью – яшмаком. Она нарочно выбрала вуаль с золотыми блестками по краям, чтобы они отвлекли их внимание от её глаз. Но мужчины все равно смотрели на неё, и тогда она перешла на ормиси – тонкую вуаль шириной в ладонь, прикрывавшую глаза. Когда это тоже не помогло, она догадалась, что мужские взгляды привлекает ее фигура. Она стала перевязывать свои расцветающие груди так туго, что ей было больно, – но все равно мужчины смотрели на неё. Почему?

Фейра прочла немало сонетов и од о любовном томлении и понимала, что не имеет ничего общего с идеалами османских поэтов. Не походила она и на девушек из пошлых песенок, которые распевали моряки, друзья её отца; они долетали до неё иногда, когда она лежала в постели, а гости ужинали внизу и слишком много пили.

Фейра не считала свои янтарные глаза, большие, но слегка раскосые, как кошачьи, достаточно круглыми и темными, чтобы их воспевали в песнях. Её маленький, аккуратный нос был слишком вздернут, чтобы считаться красивым. Её кожа кофейного цвета – недостаточно смуглая, чтобы мужчины слагали о ней песни. Её волосы, ниспадающие крупными локонами на спину, были недостаточно шелковистыми и прямыми для поэтов, да и цвет не тот: все оттенки золотисто-коричневого и ни один из них – настолько темный, чтобы сравнивать его с вороньим крылом. А её широкий рот с ярко-красными крупными

губами – при этом верхняя больше нижней – невозможно даже в самых смелых куплетах сравнить с бутоном розы.

Черты её лица – по отдельности и все вместе – казались ей ничем не примечательными, даже странными. Но они обладали удивительной, притягательной силой, которую она не понимала и уж точно не желала. Даже все её попытки спрятаться плохо помогали. Когда она прикрывала глаза, мужчины смотрели на губы. Когда она прятала губы, они смотрели на глаза. Когда она покрывала голову, они смотрели на фигуру. Но она все равно не оставляла попыток, потому что неудобства ежедневной маскировки не шли ни в какое сравнение со страхом показать себя такой, какая она есть.

Фейра слегка подняла подбородок, и отражение ободрило её. Сегодня она наденет женское платье; что ж, она постарается на славу. Она приступила к своему ритуалу.

Стоя в одних широких шароварах из полупрозрачного шелка, Фейра взяла длинную кремовую ленту и плотно обвязала несколько раз свою пышную грудь. Когда грудь заняла, и дышать стало тяжело, она мрачно улыбнулась.

Теперь пора надевать платье. Отец привозил ей платья из золотого и серебряного атласа, тюки парчи и дамасского шелка со всех концов света. Но они лежали нетронутыми в сундуке под окном. Вместо этого Фейра купила простой халат из цельного куска ткани – барами – на рынке бедестан. Платье ниспадало без складок до самого пола, скрывая изгибы фигуры. Затем она надела верхнее платье – фераджу, застегивающуюся на пуговицы по пояс, с открытыми полами.

Потом она причесалась и заплела косу, уложив её вокруг головы, как корону. Она ничего не могла поделать с локонами, которые к вечеру выскальзывали из-под вуали. Каждый день она пыталась обуздать их. Фейра покрыла волосы тонкой вуалью и завязала вокруг лба плетеным шнурком. Затем смочила завитки вокруг головы розовой водой и беспощадно запихнула их под вуаль, чтобы ни один волосок не высывался.

Сверху на все это она натянула четырехугольную шапку хотоз, которая застегивалась на пуговицу под подбородком, и квадратное покрывало, закрывавшее все лицо, затем взяла отрезок простого тюля и обмотала его

несколько раз вокруг шеи. Фейра вновь взглянула в зеркало. Полностью закутанная, она была неузнаваема. Её одежда цвета песка и корицы позволяла слиться с городом и надежно укрывала от посторонних глаз. Единственное яркое пятно – желтые туфли, приличествующие её вере, – кожаные туфли с загнутыми носками, с застежкой на подъеме, практичные, не пропускающие воду и другие вредоносные жидкости, с которыми она могла столкнуться во время работы.

Одевшись, наконец, она решила не добавлять никаких украшений к своему наряду. У Фейры было достаточно золота – столько безделушек, сколько мог привезти ей любящий отец, но браслеты и побрякушки только привлекли бы к ней внимание, а главное – помешали бы работе.

Завершающий штрих в одежде был продиктован исключительной практичностью, а не модой или положением: пояс, массивный и уродливый, – её собственное изобретение. На нем держался целый набор стеклянных бутылочек и фиал, каждая – в отдельном кожаном футляре, который был привязан к широкому ремню с крупной медной пряжкой. Она надела ремень под фераджей так, что он был совершенно невидим; к тому же из-за него она казалась невысокой, приземистой, вдвое старше своих лет.

Когда она закончила приготовления, солнце поднялось высоко над городом, и небо стало бледно-голубым. Она позволила себе бросить последний взгляд на город, который так любила и каждая деталь которого теперь ярко проступала в солнечном свете. Завораживающий изгиб сверкающего на солнце залива окаймляли дома и мечети, словно усыпанное драгоценностями ожерелье. Великолепный собор Святой Софии склонился, словно страж, над Босфором. С выжженного солнцем золотого купола собора взмывали с потоками теплого воздуха соколы султана. Фейра позабыла то мгновенье смутного томления, которое охватило её утром; ей больше не хотелось знать, что там, за морем. Она поклялась, что никогда не покинет этот город.

Протяжная песня муэдзин-баши донеслась до неё мелодичным, заунывным потоком с башен Софии. Сабах, утренняя молитва. Фейра развернулась и побежала, застучав каблуками по ступенькам лестницы.

Она очень, очень опаздывала.

Глава 2

На улице было все ещё свежо, солнце не успело разогнать тени. Фейра больше всего любила именно это время дня – ей нравилось прогуливаться, здороваться с прачками, несущими корзины с бельем к заливу, или покупать симит с чашечкой салепы – кунжутный хлеб и чай из сушеных корней горных орхидей, которые продавались на каждом углу на желто-голубых тележках. Ещё ей нравилось платить своими собственными деньгами, ведь она уже сама работала. Но сейчас ей пришлось забыть о том, что в животе урчит от голода, потому что она спешила.

Поднимаясь на холм с площади Султанахмет к Сералю, она обычно любовалась голубыми проблесками моря, которые то и дело попадались ей на глаза. Но сегодня она не обернулась, как делала каждое утро, чтобы насладиться видом. Поэтому Фейра и не заметила генуэзские галеасы, которые её научил узнавать отец: они уплывали вдаль, рассекая синие воды Босфорского залива.

Она смотрела только вперед – до самого бульвара Мезе и дворца Топкапы. Расположенный на мысе Сарайбурну, который выступает в море в месте впадения Босфора и Золотого Рога в Мраморное море, Топкапы представлял собой отдельное маленькое государство. Ворота Повелителя, первыми встречавшие путника, обещали ему колоссальное великолепие, которое таилось за ними. Между двумя конусообразными башнями-близнецами на воротах, под мудрыми изречениями прежних султанов на архитраве, выгравированными на золотой пластине (о мудрости нынешнего султана, считала Фейра, нечего было сказать, не то что увековечивать её в золоте), стоял стражник со свитком – один из многочисленных охранников дворца.

Она не знала его, и не удивительно. Его выбрали по жребию сегодня утром в караульном помещении: стражников у султана было более чем достаточно – три тысячи пятьсот четыре, по одному на каждый день по календарю хиджры. Ни одному из них не разрешалось служить дважды за год, и ни один не знал, какой день ему выпадет, чтобы его нельзя было подкупить или заставить впустить незваного гостя.

– Имя?

– Фейра Адалет бинт Тимурхан Мурад.

– Зачем ты пришла?

– Я – кира у Нурбану, матери султана, – она перевела дух. – И врач гарема.

Она наблюдала за ним, и он повел себя точно так, как она ожидала. Он даже не оторвал глаз от свитка, когда услышал, что она кира – посредница между женщинами гарема и внешним миром. Иногда стражники презрительно кривили губы или поднимали брови, когда она упоминала имя Нурбану, Валиде-султан – матери султана и, следовательно, самой могущественной женщины во дворце, в Константинополе и во всем Османском мире. Но всех их, без исключения, поражало, когда они узнавали, что она врач.

Хотя ей было не больше двадцати одного, она уже много лет готовила лекарства для больных и делала несложные операции. Она начала заниматься этим в тринадцать лет: ей поручали забирать лекарства у дворцового лекаря из главной части дворца и приносить в гарем. Она встречалась с лекарем во дворе Фонтана омовений – красивейшем дворе, который преграждал путь мужчинам в гарем. Тогда от неё требовалось только внимательно выслушать его поручения, эхом отдававшиеся в мозаичном атриуме, повторить их, соперничая с эхо, поклониться и спуститься через Двор наложниц в гарем.

Когда Фейра повзрослела, её стали посылать на Большой базар за травами и смесями. Там она ходила по многолюдным рядам, вдыхая острые, сладкие и пряные запахи, пока покупала заморские бутылочки и пакеты для дворца. Она стала внимательнее и вскоре научилась ценить возможности медицины. Годы шли, дворцовый врач состарился, а Фейра вошла в пору своего расцвета; их отношения изменились, она стала сама определять дозы лекарств, которые он прописывал. Иногда она заменяла травы, а некоторые лекарства, прописанные врачом, так и не передавала по назначению. Обитательницы гарема ещё никогда не чувствовали себя лучше. Теперь Фейра точно знала, как лечить женщин, и всё же каждый день отправлялась на средний двор – в знак уважения. Врач, уже совсем одряхлевший, занимался самим султаном и его окружением, доверив Фейре лечить все недомогания двух сотен женщин гарема. Он даже два года назад с благословения старого султана удостоил её

звания, которое она теперь носила с гордостью. Врач уже редко приходил на средний двор, поэтому она удивилась, увидев, что он ждет её у Фонтана омовений.

Он казался взволнованным и ломал руки. Врач выглядел старым и слабым на фоне столь великолепной обстановки, знавшей его когда-то гордым и самоуверенным. Хаджи Муса, так звали врача, в свое время пользовался уважением во всем мире за свои хирургические способности и медицинские труды. Теперь же колоссальный свод арки словно давил его; плитки из Кютахьи, водянисто-зеленые, синие и белые, придавали его коже болезненный вид, а бьющий фонтан заглушал его дрожащий голос.

- Что вы сказали, Учитель? - переспросила его Фейра.

- Нурбану-султан, - брюзгливо произнес он, преодолевая шум фонтана. - Она больна. Так больна, что меня позвали из Второго двора, - он поднял трясущийся палец и покрутил им перед её вуалью. - Слушай меня, Фейра, никогда не забывай, что Нурбану - мать султана. Более высокородного больного у тебя никогда не будет.

Фейре не терпелось уйти. Она и так уже опоздала. Она не понимала, отчего Хаджи Муса так взволнован; в конце концов, ей уже много раз приходилось лечить свою госпожу. Она поклонилась ему, как в тот первый раз, будучи тринадцатилетней девочкой. Тогда она выказывала этим своё послушание. А теперь - желание удалиться.

Он сразу заметил это.

- Расскажи мне все. Я буду ждать. Благословенно имя султана, - произнёс врач.

Фейра выпрямилась.

- Он свет очей моих и радость сердца моего, - машинально произнося ответ, она уже направлялась к женской половине дворца. Поспешно удаляясь, она знала, что лекарь поправляет свой тюрбан, словно традиционное благословение султана вывело его из равновесия. Репутация нового султана даже в спокойные времена внушала страх, а если что-то случится с его матерью, то его ярость поглотит всех и вся. Она знала, что Хаджи Муса опасался за свою голову и

надеялся, что к заходу солнца она останется у него на плечах.

Фейра поспешила во внутренний двор, к воротам гарема. Здесь её никто не остановил с расспросами – два черных евнуха отворили ей двери, но она не удостоила их даже кивком. Она прошла Золотой путь, где наложниц когда-то осыпали дождем из золотых монет, прямо к комнатам Нурбану и открыла дверь во внутренние покои. В просторной комнате, отделанной великолепной изникской мозаикой, был небольшой открытый дворик с фонтаном и возвышением, на котором стояло ложе. Ещё с порога Фейра услышала стоны.

В дверях её встретила Келебек, гедик Нурбану, фрейлина султанши.
«Благословенно имя Султана, Фейра», – произнесла она.

Келебек, женщина невзрачная, особенно на фоне всей этой красоты, была явно обеспокоена, но все-таки следовала этикету. Фейра слишком сильно волновалась, чтобы ответить так, как того требовали формальные правила поведения. Хотя она ещё не слишком переживала из-за состояния Нурбану: Валиде-султан иногда мучили боли в животе, которые вызывали сильное вздутие, но рвотное средство, которое Фейра сама готовила, обычно приносило облегчение в течение часа. Фейру больше волновало, что своим опозданием она навлечет на себя беду. На тумбочке возле ложа она заметила серебряное блюдо с охлажденными фруктами, и у неё заурчало в животе – ведь она ещё не завтракала. Зеленые ягоды винограда, свисавшего с блюда, выглядели так соблазнительно. Она протянула было руку, чтобы сорвать одну, но с ложа снова послышался стон, и она остановилась.

– Она звала меня? – спросила Фейра.

– Нет. Она зовет Сесилию Баффо, – ответила ей гедик.

– Кто такая Сесилия Баффо?

– Мы не знаем. Никто не знает.

Келебек повела рукой, показывая на одалисок – девушек, которые готовились стать наложницами султана. Пять молодых женщин, все красавицы в длинных белых рубашках кусали губы или сидели, уставившись в пол. Необразованные, они все же понимали – что-то случилось.

Предчувствуя недоброе, Фейра поднялась по ступенькам возвышения и отдернула тонкие, расшитые муслиновые занавески, закрывавшие ложе Валиде-султан.

Мать султана лежала, скрючившись, с полузакрытыми глазами, кожа приобрела неестественный цвет – что-то среднее между слоновой костью и желчью. Вены на шее вздулись и стали иссиня-черными, словно у неё на шее выросла мандрагора. Щеки, обычно округлые и розовые, ввалились, будто две темные вмятины, а под глазами залегли фиолетовые тени. Жидкие светлые волосы потемнели от пота и прилипли ко лбу. Нурбану была женщиной лет сорока, с приятными полными формами и бледной кожей, как у иностранцев, но теперь её кожа под украшенной драгоценностями сорочкой казалась мешковатой, лиловой и покрытой крапинками, от приятных округлостей ничего не осталось, тело её стало рыхлым, обвисшим, словно сдувшийся пузырь. Крики прекратились, и Нурбану уснула.

Фейра взяла Валиде-султан за запястье – в том месте, где бьется пульс, отчего та пошевелилась и застонала, взывая к кому-то на неизвестном языке: «Сесилия Баффо. Сесилия Баффо».

Голос Нурбану, обычно низкий и мелодичный, теперь походил на скрежет. Глаза у неё внезапно открылись – кроваво-молочные. Но она, казалось, узнала Фейру, назвав её по имени, и привлекла к себе, заговорив с ней на языке, который понимала только Фейра, – на родном языке Нурбану. Этот язык скакал и отплясывал, словно цокали копыта, язык, в котором каждое слово оканчивалось на а или о. Валиде-султан обучила её этому языку – она называла его финикийским – ещё тогда, когда Фейра маленькой девочкой приходила во дворец с отцом. Он стал их тайным языком, которым они пользовались, когда речь заходила о самых секретных поручениях Валиде-султан. Вот и сейчас она говорила на нём:

– Ты должна сказать ему, Фейра, ты и только ты.

Фейре показалось, что она поняла. Она с испугом повернулась к Келебек:

– Мы должны позвать врача и сообщить султану.

– Нет! – Валиде-султан внезапно села, очнувшись ото сна, и грозно крикнула, – Сесилия Баффо! Сесилия Баффо! Четыре всадника; едут, едут. Иди и смотри.

Дыхание Нурбану было отвратительным, желчная слюна тонкой ниточкой свисала с её подбородка.

Фейра принялась её успокаивать, глядя по щеке, как ребенка, пока её госпожа снова не заснула.

Фейра отступила к занавескам и задернула их за собой, подозвав Келебек.

– Сесилия Баффо, – прошептала Фейра. – Кто она? И кто эти Четыре всадника?

– Госпожу привезли сюда много лет назад корсары, которые похитили её. Может, их было четверо? – пожала плечами Келебек.

– Возможно. А имя? Кто такая Сесилия Баффо? – настаивала Фейра.

– Не знаю! – вскрикнула Келебек в страхе.

– Опиши мне весь день госпожи, в точности, с самого утра, – задумчиво попросила Фейра.

– Она проснулась и приказала одеть её в ночную сорочку, украшенную драгоценностями, потому что ждала гостя, – начала Келебек, сложив руки.

Фейра сощурилась. Протокол разрешал Валиде-султан, вдове, принимать любовника, но Фейра не знала, что её госпожа спала с мужчиной после смерти супруга – султана Селима, который скончался два года назад.

– Кого? Мужчину? – спросила Фейра.

– Нет. Она сказала, что собирается разговеться вместе с догарессой из Генуи, прежде чем генуэзский корабль отплывет с утренним приливом, ответила Келебек.

– Корабль уже уплыл?

– Несколько минут назад.

– Сесилия Баффо, – размышляла вслух Фейра. – Имя иностранное. Может, генуэзское. Как зовут генуэзскую догарессу? Кто-нибудь может это выяснить?

– Как, Фейра? – вполне решительная в повседневных делах, в тяжелый момент Келебек снова становилась простой деревенской девушкой.

Фейру разозлила её бестолковость.

– Спроси кого-нибудь, – процедила она сквозь зубы. – Например, кизляр-ага.

Глаза Келебек округлились от страха – кизляр-ага, надзиратель за девушками и глава черных евнухов, был наместником султана в гареме и вершил правосудие в этих стенах. Нынешний ага – Бейязид – был не человеком, а кровожадным василиском, внушающим смертельный ужас: семь футов росту и черный, как смоль. Если девушка навлекла на себя гнев султана, если вкусы султана казались ей слишком дикими и невозможными для неё, её сажали в мешок, и Бейязид сам сбрасывал несчастную с Башни справедливости прямо в Босфор. Остальных девушек заставляли смотреть, как мешок, намокая, погружается в воду все глубже и глубже, и слушать крики жертвы, чтобы они знали, чем им грозит непослушание. При упоминании имени кизляр-агы Келебек попятилась:

– Я не смогу говорить с ним, Фейра.

Фейра раздраженно вздохнула. Она боялась аги не меньше, чем Келебек, но участь госпожи страшила её ещё больше. Выйдя из комнаты, она пересекла Двор наложниц. Солнце стояло высоко, и, когда Фейра повернула во Двор черных евнухов, тени под мраморными колоннами были густыми и темными, а солнечные лучи, преломляясь через кованые железные лампы, рассыпались ослепительными искрами. Когда она, постучавшись, вошла в покои кизляр-агы, то уже почти ничего не видела из-за яркого света.

Постепенно зрение вернулось. Фейра стояла в длинной комнате, на полу которой по двум мраморным каналам струилась вода. Слабый свет, серебривший воду,

исходил от вырубленных в каменном потолке отверстий в форме звёзд, так что бледные лучи солнца падали на пол в виде геометрических фигур, как будто вырезанные из бумаги. Фейра встала между лучами, словно её ждало испытание светом. Казалось, она была одна в комнате; кожа Бейязида была блестящего эбенового цвета – черная, как и кресло, в котором он восседал; он курил кальян, пуская маленькие колечки дыма, когда говорил. Дым клубился над его головой и светился в звездных лучах.

– Фейра, дочь Тимурхана? Чего ты хочешь от меня? – спросил Бейязид, который, похоже, прекрасно её видел.

– О, кизляр-ага, как зовут генуэзскую догарессу, которая разговлялась с госпожой Нурбану-султан? – обратилась к нему Фейра.

Теперь она различала в полумраке его очертания, массивные, даже в минуты отдыха, мускулы на его руках, которые вздувались под золотыми обручами, когда он подносил кальян к губам, а фальшивый звездный свет серебрил его бритую голову.

– Ее зовут Проспера Сентурионе Фаттинанти, – для человека такой комплекции голос у него был слишком высоким и чистым, как у мальчика: его кастрировали ещё до совершеннолетия. Странное несоответствие между голосом и телосложением внушало ещё больше страха. Он выпустил очередное облако дыма.

– Это все?

– Да, кизляр-ага, – Фейра направилась к двери, но затем повернулась, не ожидая от себя такого мужества.

– Нет, не все. Кто такая Сесилия Баффо?

Она заметила два белых полумесяца его глаз, которые раскрылись на долю секунды, словно невольная вспышка озарения. На мгновенье Фейра испугалась. Но глаза снова закрылись.

– Я не знаю. Теперь уходи. Благословенно имя султана, – промолвил он.

– Он свет очей моих и радость сердца моего, – произнесла Фейра в ответ.

Она вышла из темноты и двинулась обратно по залитому солнцем двору; ей не хотелось думать о том, что её ждет. Но в покоях Валиде-султан, казалось, солнце тоже сияло во всей своей красе. Келебек улыбалась, одалиски щебетали, как стайка белых голубок, и чувствовалось явное облегчение.

– Иди и смотри, – позвала её Келебек.

Фейра снова раздвинула муслиновые занавески вокруг ложа. Нурбану сидела, прислонившись к подушкам, набухшие вены на шее исчезли, глаза блестели, щеки порозовели. Глаза оттеняла лишь подводка, которой она обычно пользовалась, нанося её каждый день тоненькой кисточкой. Она поприветствовала Фейру, и та вздохнула с облегчением. Она присела на кровать возле Валиде-султан, что дозволялось только ей, и снова взяла запястье Нурбану. На этот раз пульс был стабильным и размеренным, и Фейра обняла руку своей госпожи.

– Фейра, что случилось? – улыбнулась ей Нурбану.

– Госпожа, как вы себя чувствуете? – поинтересовалась Фейра.

Нурбану от души рассмеялась. Обычно Фейре нравился её смех, но сегодня он ранил слух, как фальшивая нота на цитре.

– Я? Превосходно – как никогда. Принеси мои письменные принадлежности, Фейра. А потом вели подать завтрак и скажи евнухам, чтобы подготовили мой баркас – поплывем в Пера? Сегодня чудесный день. Можешь ненадолго оторваться от врачебных дел?

Фейра послушно поклонилась, но встревожилась. Перемена в Нурбану была настолько сильной, что Фейра засомневалась, не выдумала ли она сама эту короткую, ужасную болезнь. Но Келебек тоже была здесь, и одалиски. Она медлила.

– Госпожа, когда я пришла сюда не более часа назад, вы бредили, на вас страшно было смотреть, вы засыпали, затем судорожно просыпались с

криками, – осторожно произнесла она.

– Фейра, что ты болтаешь? – полное, доброе лицо Нурбану смотрело на неё насмешливо.

– Вы не помните? – удивилась Фейра.

Опасения вернулись к ней, когда она внимательно осмотрела свою госпожу. Блестевшие, словно бриллианты, глаза. Багровый румянец на щеках. Светлые влажные волосы вились теперь вокруг головы, словно ореол. И она не помнила, что произошло.

Фейра обернулась и стала осматриваться. Взгляд её остановился на охлажденных фруктах, которые невинно разлеглись на мозаичном столике. Она отвела гедик в сторонку.

– Келебек, – прошипела она прямо в ухо девушки, – госпожа что-то ела или пила этим утром?

– Еще нет. Но ведь ещё рано... Она съела только немного фруктов, которые привезла ей догаресса, – ответила та.

– Кто-нибудь попробовал их, прежде чем давать госпоже? – спросила Фейра.

– Нет, Фейра. Тебя здесь не было, но я подумала, что все обойдется; это же подарок от догарессы, она близкая подруга моей госпожи – и такая красивая! – глаза Келебек были круглыми и зелеными, как виноградинки.

Фейра в ужасе подошла к блюду с фруктами. Лед в серебряном блюде подтаял и треснул, словно в знак протеста. Фрукты выглядели аппетитно, свисая с краев блюда: круглые, дышащие свежестью. Уже не в первый раз Фейре казалось, что некоторые вещи слишком яркие.

Она сорвала виноградинку с ветки, ногтями разломила её пополам и поднесла к окну. В желтовато-зеленой мякоти ягоды притаился темный комочек – там, где должна была быть косточка. Она вытащила его и развернула на белой мозаичной плитке подоконника. Достав из своего медицинского пояса линзу в

медной оправе, она принялась изучать темный комочек. Раздавлив его, она увидела несколько мелких зерен, напоминавших по форме звездчатый анис. Фейра обомлела: это был яд.

Такой яд ей довелось видеть только однажды. Хаджи Муса когда-то предотвратил покушение на жизнь старого султана, обнаружив яд в преподнесенной ему бутылке английского эля. Врач показал Фейре споры в форме звезд, собранные из плодов варфоломейского дерева, которое растет на холмах Дамаска, и велел ей быть осторожней, потому что эти споры – один из самых смертоносных ядов: он не имеет вкуса, запаха и противоядия. Сначала жертва чувствует недомогание, но примерно через полчаса приходит в себя, словно ничего и не было, а потом происходит стремительное ухудшение, по мере того как споры начинают размножаться в организме, поражая печень и легкие и превращая внутренности в кашу.

Завороженная столь могущественным ядом, Фейра выпросила хромого кречета у сокольничих султана и скормила ему несколько спор. Он жадно съел их. Затем Фейра уселась на каменный пол в конюшне Топкапы и стала наблюдать за ним. Полчаса он падал на пол, катался и бил крыльями, пронзительно крича. Фейра хладнокровно наблюдала, а затем птица чудесным образом исцелилась. В течение следующего часа кречет чувствовал себя превосходно; он вел себя бойко, казалось, даже лапа у него перестала болеть. Но прежде чем Фейра успела окоченеть на каменном полу, он снова упал и почернел, глаза у него остекленели, он задыхался и мучился, пока она не свернула ему шею. Он лежал у неё на руках, теплый и на удивление легкий, голова свисала. На мгновение Фейру обуяло дурное предчувствие; этот сокол уже никогда не поднимется над куполом Софии. Затем она, отбросив всякую жалость, разрешила его, прямо там, на каменном полу, скальпелем, который носила на поясе, и обнаружила, что его внутренности почернели от спор, органы истерзаны и превратились в кашу, так что невозможно было отличить один от другого.

Фейра стала быстро думать, пробегая мысленно все средства, какие знала, все, что у неё было на поясе. Ничто не поможет. Если бы она была здесь, Господь Всемогущий, если бы только она была здесь в тот момент, когда госпожа попробовала виноград, возможно, она смогла бы помочь. У неё было несколько масляных шариков тунгового дерева, которые, если их разжевать, вызывали мгновенную, обширную рвоту и очищали кишечник. Но даже тогда, когда появились симптомы, когда началось первое недомогание, уже тогда было слишком поздно. А кроме того, мрачно подумала Фейра, как напомнила ей

Келебек, если бы она была здесь, то как кире Нурбану ей пришлось бы попробовать виноград, и теперь она тоже ждала бы своей смерти.

Фейра задумалась на мгновение. Для госпожи уже слишком поздно – теперь надо подумать о тех, кого она ещё может спасти. Одалиски все были красавицы, девственницы, все они стоили немалых денег султану. Одалисок пощадят. «Оставьте нас – все», – голос её прозвучал резко, словно удар хлыста; она посмотрела им вслед.

Келебек осталась, Келебек – простая двадцатипятилетняя девушка. Фейра представила себе, как мешок, потемневший от воды, погружается все глубже и глубже, пока Келебек не захлебнется в последнем вопле. Фейра подошла к окну, где золотая шкатулка филигранной работы переливалась в лучах утреннего солнца. Она сдернула с головы покрывало и, обернув им несколько раз шкатулку, чтобы укрыть предательский блеск, вложила её в руки девушки.

– Келебек, возьми эту шкатулку..., – она порылась в карманах шаровар, – и три дирхама. Садись на лодку в Пера. Где дом твоего отца?

– В Эдирне, – ответила та.

– Продай шкатулку в Пера, купи мула и отправляйся туда. Езжай до самого Эдирне и не останавливайся. Пусть отец найдет тебе достойного мужчину из деревни, и выходи за него замуж. Твоя служба в Топкапы окончена, – сказала Фейра.

– Что это значит? – удивилась Келебек.

– Валиде-султан скоро умрет, а отравленные фрукты дала ей ты, – объяснила Фейра.

Келебек затряслась от страха.

– Как..., но я не... я не знала..., – стонала она, раскачиваясь из стороны в сторону и стараясь понять услышанное.

– А ты не можешь... должно же быть... разве у тебя ничего нет на твоём
врачебном поясе?

Келебек, как и наложницы, считала пояс Фейры почти волшебным, он казался им
панацеей от всех болезней, с целительным снадобьем в каждой закупоренной
бутылочке. Фейра посмотрела девушке в глаза и покачала головой.

Этого оказалось достаточно. Келебек взяла шкатулку и убежала.

Фейра поспешила обратно, к ложу, и раздвинула занавески. Страх заставил её
забыть о любезностях.

– Кто такая Сесилия Баффо? – требовательно спросила она у госпожи.

Нурбану-султан, томно возлежавшая на вышитых подушках, снова рассмеялась;
но на этот раз смех её был нервным, наигранным.

– Не имею ни малейшего представления, Фейра. А теперь, будь добра, принеси
мои письменные принадлежности, – произнесла она. Но Фейра не шелохнулась.
Её госпожа не знала, что больна, не помнила тех кошмарных минут, когда она
корчилась и извивалась от боли на своей постели, но прекрасно знала, кто такая
Сесилия Баффо.

Фейра присела на постель без разрешения и пристально посмотрела в глаза
Нурбану-султан. Она заговорила, четко произнося слова, немного громче
обычного.

– Послушайте меня, госпожа. Виноград, принесенный догарессой, отравлен
спорами варфоломейского дерева. Сначала человек, проглотивший споры,
примерно полчаса чувствует себя ужасно, словно смерть стучится в дверь. Затем
очень быстро состояние его улучшается. Кожа розовеет, глаза начинают
блестеть. Но он не помнит, что с ним было. Организм борется со спорами,
которые даже благотворно влияют на настроение благодаря опию, который
содержится в яде. Примерно час или чуть больше он чувствует себя лучше, чем
когда-либо. Я велю принести вам козье молоко и галеты, чтобы замедлить
всасывание. Но скоро, очень скоро вам снова станет хуже, намного хуже, и вы не
сможете говорить. Теперь вы знаете все и, возможно, захотите сказать мне что-
то сейчас? Рассказать мне о чем-то? Может, что-то передать вашему сыну или

оставить завещание вашей семье, или отдать распоряжения относительно погребения? Или..., – произнесла она многозначительно, – вы откроете мне, кто такая Сесилия Баффо?

– Я скажу – к черту козье молоко и галеты. Что за глупости – говорить о смерти в такой волшебный день! Я собираюсь позавтракать, Фейра. А генуэзская догаресса – моя подруга. И я больше не хочу слышать твои бредни, – глаза Валиде-султан, приподнявшейся на подушках, пылали гневом.

Фейра кивнула.

– Я знаю, что сейчас вы не верите мне, и понимаю вас. Настроение прекрасное и здоровья хоть отбавляй. Но это продлится недолго, а противоядия не существует. Яд безвкусный и действует не сразу, так что даже если бы я, ваша прислужница, не опоздала и попробовала угощение первой..., – промямлила она виновато, – это не спасло бы вас. Такой яд одолеть невозможно. Думаю, именно поэтому он так нравится генуэзцам. Теперь я оставлю вас, и пусть ваше тело расскажет вам то, чего вы не хотите слышать от меня.

Нурбану-султан раскрыла рот, чтобы закричать, но Фейра твердо стояла на своем. Гнев Валиде-султан мог быть велик, и она могла быть столь же грозной, сколь и доброй. Никогда, за все годы своей службы Фейра не навлекла на себя гнев госпожи, но она понимала её. Никто не хочет признавать, что умирает.

За эти годы она, как врач гарема, видела всевозможные реакции – отрицание, гнев, ужас. Одни начинали рыдать, умоляя излечить их. Ей приходилось говорить женщинам с язвой на груди или на матке, что их ждет смерть, но ожидание может продлиться недели или месяцы, или годы. Но её госпожа, обрушившая на неё град упреков и обвинений, умрет к полудню, и это невозможно осмыслить. Фейра понимала, что оставаться здесь бесполезно. Валиде-султан должна смириться с истиной, а затем привести в порядок свои дела за то короткое время, что ей осталось. Наконец, Фейра придумала, что сказать. Словно бросая камнем в ураган, она тихо произнесла, когда Нурбану замолчала, переводя дыхание: «Сесилия Баффо». При звуках этого имени Нурбану замерла, тяжело дыша.

– Когда вы страшно мучились и не понимали, что говорили, вы звали не своего сына и не меня, а Сесилию Баффо. Очевидно, она очень важна для вас, –

промолвила Фейра, опускаясь на колени возле кровати. – Времени мало, госпожа. Если хотите, чтобы я нашла её или передала ей что-то, говорите сейчас. Она поднялась.

– Подумайте. Я никогда не лгала вам. А вы солгали мне. Вы знаете, кто такая Сесилия Баффо, – Фейра говорила, нимало не сомневаясь в своих словах. – И когда вы захотите рассказать мне, я буду в Самахане.

Она поспешно спустилась с возвышения, распахнула дверь и наткнулась на одалисок, которые подслушивали у замочной скважины.

– Госпожа зовет вас, – бросила она им и вышла из комнаты – и дальше, как можно быстрее, чтобы больше не слышать гневных возгласов Нурбану.

Фейра прошла по тихим дворам к Самахану, церемониальному залу. Она вошла в зал и забралась на мезонин, так как женщинам запрещалось присутствовать на церемониях. Она присела под одной из узорчатых арок и закрыла за собой шелковые занавеси. Ей нужно было время и место, чтобы подумать.

Она посмотрела вниз с балюстрады. Дервиши мевлеви кружились в танце. Девять из них вращались вокруг своего священника в центре группы, белые юбки развевались в идеальном круге, высокие коричневые шапки казались неподвижными, формируя центральную ось, вокруг которой они вращались. Их ноги двигались почти бесшумно на кафельном полу Самахане, тихо постукивая, словно дождь.

Фейра впала в транс, мысли закружились в голове, как мягкие вращающиеся шаги дервишей. Она знала символический смысл их наряда – белые одежды означали цвет смерти, а высокие коричневые шапки – как вытянутые фески – олицетворяли надгробие. Их одежда приближала их к загробной жизни – к той стороне. Белый – для смерти, подумала она, а коричневый – для надгробия. Дервиши предвещали смерть. Нурбану скоро завернут в белый саван и похоронят в склепе с каменным надгробием.

Ноги у Фейры онемели, а руки, опирающиеся на каменную балюстраду, заболели. Что станет с ней? Её схватят и посадят в тюрьму, потому что она пришла слишком поздно и не успела попробовать смертоносную ягоду, прежде чем её съела Валиде-султан? Потому что она не смогла излечить свою госпожу?

Может, ей убежать, как Келебек? А отец? Заступится ли он за неё перед султаном? Или им лучше бежать вместе? Может, он увезет её за море – в те страны, о которых она грезилась ещё утром?

Внезапно её посетило яркое воспоминание – такое же яркое и лихорадочное, как отравленный фрукт и её госпожа. Она ясно увидела себя шестилетней девочкой, играющей в пыли с друзьями перед отцовским домом. У одного из мальчиков была крышка, которую он мог крутить целую вечность. Фейра видела в этом волшебство – крышка висела в воздухе, почти не двигаясь, поддерживаемая какой-то невидимой небесной силой. Затем, наконец, неподвижность обрывалась дрожанием, потом раскачивание – и белая крышка летела в пыль, под ноги детям. Фейра подняла её и покрутила один раз, два раза, пока не поняла, в чем секрет; и пока крышка крутилась вокруг неподвижного центра, она не могла глаз отвести; её завораживало то, что какой-то предмет, как эта крышка, может двигаться настолько быстро, что кажется неподвижным. Остальные дети, потеряв к ней интерес, разбежались в поисках новых игр, а Фейра осталась – она наблюдала и ждала – с трепетом и почти что с ужасом.

Теперь, четырнадцать лет спустя, она поняла то чувство ужаса. Она ждала, когда упадет крышка, одновременно хотела этого и страшилась, не теряла надежды, что крышка будет вертеться всегда, хотя знала, что этому не бывать.

Теперь она смотрела на дервишей и ждала, когда же упадет один из них, но вдруг почувствовала, как чья-то рука отдернула занавеску. Она обернулась, ожидая увидеть одну из одалисок, и наперед знала, что та скажет: «Иди и смотри»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сестиери – городской округ. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/fiorato_marina/venecianskiy-kontrakt

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)